

**ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ АН СССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

СЕРИЯ А

Документ № 20

О.И.БРУСИНА, А.Г.ОСИПОВ.

К вопросу о состоянии межэтнических
отношений в Узбекской ССР.

Москва 1991

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В СССР**

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не являться официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа: Ю.Д. Анчабадзе

Н.А. Лопуленко

С.В. Чешко

О.И.Брусина, А.Г.Осипов

К вопросу о состоянии межэтнических
отношений в Узбекской ССР

Ферганский отряд Среднеазиатской этнографической экспедиции проводил полевые исследования в Ферганской области УзССР (кишлак Миндон Ферганского района) в июне-июле 1990 года. Помимо сбора материала по основной теме экспедиции во время пребывания в поле и в городах - Фергане и Ташкенте - авторы накопили информацию и впечатления о национальных отношениях в регионе; материалы по этой проблеме собирались авторами и во время других поездок в УзССР; накопленные сведения в обобщенном виде частично отражены в этом документе.

Район работы экспедиции практически мононационален, у его жителей не возникает тех проблем в национальных отношениях, как у населения этнически пестрых районов, однако и в кишлаке, где работала экспедиция, подавляющее большинство наших собеседников проявляли явную заинтересованность вопросами межэтнических отношений, их волновали в первую очередь события в Ошской области, которые по времени почти совпали с нашим пребыванием в поле (кишлак расположен на границе с Кирг.ССР). Горожане различных национальностей и профессий, с которыми авторам пришлось беседовать, были озабочены прежде всего национальными проблемами в своем городе.

Этническая ситуация в Фергане и Ташкенте

Как показали события последнего времени, Фергана и Ташкент - те центры общественной жизни республики, где зарождаются и получают развитие многие идеи и инициативы национального движения, где наиболее динамичны взаимоотношения различных этнических групп. Оба эти города многонациональны, значительная часть их населения русскоязычна.

Многонациональный состав ряда городов Туркестанского края стал формироваться после присоединения Средней Азии к России в 60-х годах прошлого века. В городах селилось большое число "европейцев", переезжавших на вновь присоединенные земли. В "русской" части г.Ташкента к 1914 году русские составляли около пятой части населения (50 тыс.чел.). Рядом со старым узбекским городом Маргиланом возник Новый Маргилан, ныне - Фергана, подавляющее большинство там составляли русские, а также украинцы, поляки, немцы. В городах заметной была прослойка татар, евреев, таджиков. После 1917 года поток мигрантов в среднеазиатские города сильно возрос. Около половины пришлого населения составляли русские. Так, в 1926 г. более трети всего населения г.Ташкента составляли неместные уроженцы, главным образом - выходцы из РСФСР. В города прибывали квалифицированные рабочие, инженерно-технические работники,

работники науки, культуры, медицины. В 40-е годы поток переселенцев в УзССР, в первую очередь - в Ташкент продолжался. В республику было эвакуировано 90 заводов с основным составом работников. В эти годы здесь, как и в других восточных регионах страны, появились выселенные из родных мест корейцы, немцы, крымские татары, представители северокавказских народов, турки-месхетинцы; немалая часть этих переселенцев впоследствии оказалась жителями узбекских городов.

Непрерывный рост переселенческого потока за счет межреспубликанских миграций (главным образом - из сельских районов РСФСР: Поволжья, Урала, Западной Сибири) продолжался до середины 60-х годов, он обеспечивал 8-9% прироста городского населения¹. Немалая доля миграционного потока была инициируема промышленным и жилищным строительством в узбекистанских городах, прежде всего - в Ташкенте, организованным набором рабочей силы на крупные промышленные объекты. На долю Ташкента приходилось около трети всех мигрантов в города УзССР. Во второй половине 60-х годов в Ташкенте (а в Ферганае - до 1959 г.) в составе населения стала увеличиваться доля узбеков и сокращаться доля русских - за счет очень высокого естественного прироста у узбеков, возросшей миграции в города из сельских районов республи-

ки, а также из-за выезда русских в другие регионы страны ². За 1970-1979 годы доля русских снизилась в Ташкенте с 40,8 до 38,4%, в Фергане с 1926 по 1959 гг. - с 55,6% до 50,7%, а с 1970 по 1979 г. - с 49,8 до 43,6%. С 1970-х годов на формирование рабочей силы в городах республики стали оказывать большое влияние маятниковые миграции в пределах данной области ³. Национальный состав Ташкента и Ферганы по Переписи 1989 г. следующий (в процентах к общей численности).

	Ташкент	Фергана
Общая численность	2 060 206	1 98 353
русские	34,0	38,2
украинцы	2,9	2,6
узбеки	44,1	33,8
киргизы	0,1	0,5
таджики	0,7	2,1
армяне	1,0	0,5
татары (в т.ч. крымские)	6,3	6,9
евреи	2,1	0,9
евреи среднеаз.	0,4	1,0
татары крымские	0,6	5,1
корейцы	2,1	2,3
немцы	0,3	2,1
греки	0,2	0,1
другие	5,2	3,9

Между так называемым "коренным" (главным образом узбеками) и "некоренным" населением (главным образом русскоязычным) проходит своеобразный социальный "водораздел". Можно сказать, что в общественной и культурной жизни те и другие в значительной степени изолированы друг от друга, причем общность положения этнических групп русских и вообще славян, татар, корейцев, немцев и некоторых других создает представление о них как о единой "общине"; несколько отчуждены от других "русскоязычных" армяне, евреи, крымские татары, что связано, видимо, с их целенаправленной эмиграцией.

Взаимное отчуждение двух больших групп горожан обусловлено как объективными различиями в культуре, религии, языках,

так и сформировавшимися отличиями в социальных характеристиках, а кроме того, — закрепившимися в бытовом сознании определенными стереотипами поведения.

Сложившаяся за последние десятилетия структура занятости горожан свидетельствует о некоторой отстраненности от реальной возможности влиять на обстановку в республике русскоязычного населения, что является в свою очередь одной из важных причин миграций. Административно-управленческий персонал, сфера обслуживания, торговля, органы внутренних дел представлены главным образом узбеками, доля же людей других национальностей в этих областях деятельности постепенно уменьшается, так же как и в культуре, образовании и некоторых других сферах интеллектуального труда, где до недавнего времени доля работающих "некоренных" национальностей была еще достаточно высока. Большую часть рабочих и ИТР составляют представители русскоязычного населения.

На состояние национальных отношений в городах УзССР в немалой степени влияет то обстоятельство, что значительная часть русскоязычного населения — сравнительно недавние мигранты. Мигранты последних десятилетий остаются практически изолированными в социально-психологическом и языково-культурном отношении от узбекского населения, среди них незначительна доля владеющих узбекским языком и знакомых с традиционными нормами поведения "коренного" населения. Среди этой же группы распространен своеобразный комплекс превосходства над узбеками и стереотипы высокомерно-пренебрежительного поведения по отношению к ним в отдельных бытовых ситуациях.

Вместе с тем города Узбекистана, особенно Ташкент, в последние десятилетия оказались притягательными для русскоязычного населения сельских районов республики, которое получало возможность влиться в ряды рабочего класса и устроиться на работу по многим техническим специальностям.

Обе группы "некоренных" (недавние выходцы из России и бывшие жители сельских районов Узбекистана, в том числе русскоязычное старожильческое население) еще несколько лет назад считали жизнь в промышленных городах республики более

приемлемой для себя, чем в сельских районах республики, так как город с большой долей русскоязычного населения обеспечивал достаточную социальную защищенность независимо от "национально-клановой" принадлежности и давал определенные социальные перспективы. Однако в последние годы ситуация существенно меняется; ухудшаются положение русскоязычного населения и его социальные возможности в узбекистанском обществе. Протекающие процессы затрагивают, несомненно, и представителей старожильческого русскоязычного городского населения Узбекистана, и вообще горожан "некоренных" — так называемых "европейских" и "кавказских" национальностей. Меняющаяся ситуация заставляет представителей различных этнических групп испытывать неуверенность в завтрашнем дне.

Социальные процессы в среде т.н. "некоренного" населения и межнациональные отношения во многом прямо и косвенно зависят от политики, проводимой властями республики. Руководство Узбекистана обновляет и перестраивает структуры власти и управления, а также производит определенные изменения в экономике. Одно из основных направлений деятельности нового руководства — обеспечение большей самостоятельности действий, независимости от вмешательства, опеки и контроля со стороны "Москвы". По всей видимости, проходит новый раздел власти между Москвой и Ташкентом, а также внутри самой республики. Закономерное следствие — определенное изменение идеологической ситуации, распространение в различных формах идей республиканского суверенитета и укрепления "национально-государственных" основ Узбекистана. Протекающие процессы воспринимаются общественным сознанием не только как постепенное избавление от диктата "Центра", но и как усиление доминирования этнических узбеков в экономической и общественной жизни со всеми вытекающими последствиями. По-видимому, настрой общественности можно воспринимать как реакцию на изменения, инициируемые или непосредственно проводимые республиканским руководством.

Указанные процессы непосредственно влияют на межнациональные отношения, поскольку по-разному отражаются на положении различных этнических групп и вызывают различную реакцию,

а также создают реальную почву для межэтнических трений и даже конфликтов. Важно то, что у различных групп формируется определенный настрой, и в массовом сознании закрепляются новые установки и поведенческие стереотипы, что приобретает самостоятельное значение, становится фактором, относительно автономным по отношению к изменению социально-экономической ситуации. Изложенные ниже обобщенные результаты наблюдений авторов позволяют только проиллюстрировать некоторые распространенные настроения и стереотипные представления узбекского и русскоязычного населения города в период 1989 – середины 1990 г.г.

Наиболее заметные и, соответственно, наиболее ощутимо резонирующие в общественном сознании составляющие процесса "узбекизации" – расширение сферы применения узбекского языка, перевод на узбекский делопроизводства, научной и общественной жизни; религиозное возрождение, снятие запретов на религиозное обучение и отправление обрядов, повсеместное строительство мечетей. Очень показательным массовое изучение арабского алфавита и арабского языка (самостоятельно или на курсах). Достаточно очевидным является постепенное вытеснение неузбеков из престижных и доходных сфер занятости и из управленческих структур.

По многим признакам, власти стремятся затруднить контроль со стороны "Москвы" над ситуацией в республике. Авторам настоящей записки в частности удалось почувствовать, что власти разного уровня не приветствуют научный интерес обществоведов "извне" к процессам, протекающим в Узбекистане.

"Коренное", главным образом узбекское, население, безусловно, всячески приветствует изменения. Иногда это сопряжено с определенными "перехлестами". Идея республиканского суверенитета достаточно часто сливается в сознании коренного населения с негативным отношением к русскоязычным. Стереотипная мотивировка этого отношения такова. Последние – незваные гости, занявшие доходные, хорошие места и имеющие в городе лучшие жилищные условия, впрочем, сделавшие для

республики и немало хороших дел (особенно старожилы), однако долгие годы жившие за счет порабощения узбеков. Именно русские, считают многие, в том числе и весьма высокопоставленные представители "коренного" населения, основные виновники того, что народ Узбекистана находится в бедственном положении, они (русские) и сейчас хотят сохранить власть над республикой. Для определенной части узбекского населения, главным образом городского, вероятно, характерно своеобразное ощущение "реванша" и желание продемонстрировать "некоренным", кто является "хозяином" в республике. По отзывам некоторых информаторов-горожан из числа русскоязычных, нередки случаи, когда узбеки — представители различных возрастных и социально-профессиональных групп демонстрируют своё удовлетворение от осознания того, что перемены существенно осложняют жизнь "некоренного" населения. При этом с наиболее негативным отношением к себе приходится сталкиваться недавним мигрантам; отношение узбеков к старожильческому русскому населению и к представителям "депортированных народов" несравненно более терпимое. Очень распространено подчеркнутое нежелание узбеков, даже владеющих русским языком, говорить с неузбеками по-русски.

Значительное распространение получили различные националистические идеи (в целом сводимые к формуле "Узбекистан — государство узбеков и для узбеков"), выражаемые в различных формах на различных ступенях общественной иерархии и в достаточно широком диапазоне (от "необходимости защитить узбекский язык и культуру" до "необходимости борьбы за полную независимость Узбекистана, против засилья русских и диктата Москвы"). Вероятно, основными поставщиками националистических идей являются представители т.н. "национальной интеллигенции", а также управленческих структур разного уровня. Сфера распространения подобных идей: в меньшей степени — официальные средства массовой информации, в большей — "неформальные организации" и массовое сознание. Наиболее восприимчивы к ним, по всей видимости, узбеки — горожане в первом поколении, в том числе маргинальные слои, испытывающие определенные трудности в адаптации к условиям города и стал-

квивающиеся с определенной конкуренцией со стороны "некоренных".

"Некоренное" русскоязычное население, не включенное в общинно-родственные традиционные структуры и ощущающее свою социальную незащищенность, относится к переменам достаточно болезненно. Настрой подавляющего большинства: осознание себя в качестве дискриминируемой группы, к тому же вероятного объекта насильственных действий.

В данном случае важен сам по себе настрой группы безотносительно к реальному её положению (представления информаторов о межнациональных отношениях могут, естественно, неадекватно отражать реальное влияние перемен на положение и перспективы русскоязычной общины). Свидетельства многих людей, с которыми авторам приходилось общаться в Фергане и Ташкенте, позволяют наглядно представить атмосферу, в которую оказываются погруженными русскоязычные горожане.

Одна из тем, обсуждаемых в среде русскоязычных, — прессинг в различных формах со стороны почувствовавших свою силу узбеков с целью выживания "европейцев" с лучших рабочих мест. Предметом обсуждения часто являются такие, якобы типовые, ситуации, как придирки или увольнение под различными предлогами, чаще всего связанными с плохим знанием узбекского языка, сокращение реальных возможностей устроиться на приличную работу, поступить в высшие учебные заведения, решить жилищные проблемы. Русскоязычное население испытывает серьезные трудности и из-за необходимости освоения и использования узбекского языка, так как с октября 1989 года продолжается быстрое претворение в жизнь закона о государственном языке УзССР. Узбекский язык последовательно внедряется (не без сильного административного нажима) во все сферы общественной жизни и управления, что встречает полную поддержку "коренного" населения; соответственно сокращается сфера применения русского языка.

Показательно, например, что, по мнению некоторых русских, живущих в Фергане, на ряде городских предприятий и учреждений со значительной долей русскоязычного персонала, якобы в

соответствии с новыми правилами внутреннего распорядка, узбекский язык вводится "в качестве единственного средства межнационального общения". Вне зависимости от того, насколько этот слух соответствует действительности, он в определенной степени отражает состояние межэтнических отношений и настроение "русскоязычных". Также очень часто обсуждается тема о возросшей "агрессивности" узбеков в быту, об их недоброжелательности по отношению к европейцам.

В период с 1988 до конца 1990 года межэтнические отношения в республике отличались большой напряженностью, националистические идеи сейчас высказываются вполне открыто. Росла обеспокоенность "некоренных" по поводу своей безопасности. В отдельные периоды настроение "европейского" населения некоторых городов - Ташкента, Ферганы - вполне уместно охарактеризовать как паническое, особенно во время Ферганских событий лета 1989 года и после беспорядков в Андижане 2 мая 1990 года, сопровождавшихся погромом еврейского и армянского населения.

До настоящего времени люди закономерно боятся повторения погромов, тем более, что и в Ташкенте, и в Фергане неоднократно распространялись соответствующие слухи. Так, начиная с января/февраля 1990 года в городах Ферганской долины и в Узбекистане в целом ходили слухи о предстоящих погромах армян. Толчок разговорам на эту тему якобы был дан слухами о вселении в Узбекистан армян-беженцев из Баку и публикациями в прессе о бесчинствах отрядов дашнаков в Средней Азии в 1918-1920 гг. В городах Маргилан и Фергана в июне 1990 г. ходили слухи о предстоящих 23/24.06 и 30.06 армянских погромах. В эти дни и позднее город патрулировался усиленными нарядами ВДВ. Летом 1990 года в Ташкенте появлялись отпечатанные на русском языке листовки-обращения от имени некоего "Независимого Народного Фронта", сообщавшие о предстоящем 22 сентября "дне гнева" - "восстания" узбекского населения против "угнетателей".

Наиболее драматичный эпизод последних лет - Ферганские события и последующий массовый выезд турок из Узбекистана

(принимавший характер то панического бегства, то добровольно-принудительной эвакуации, как во время беспорядков в Букинском районе Ташкентской обл. (см. "Правду Востока", 10 марта 1990 г.)). К настоящему времени практически все турки (более 100 тыс.чел.) покинули республику. Хотя причины и обстоятельства всех событий, участниками которых стали месхетинские турки, слабо изучены и, можно сказать, — представляются достаточно загадочными, очевидно, что существует их тесная взаимосвязь с процессом "узбекизации". Несомненно, общественный настрой, задаваемый формулой "Узбекистан — республика узбеков", послужил благоприятным фактором для организаторов погромов и последующего изгнания турок. В подобном контексте вполне естественным представляется всеобщее (со стороны и узбеков, и неузбеков) попустительство происходящему.

Продолжающийся в последние годы отток людей "некоренных" национальностей из Узбекистана резко возрос после ферганских событий 1989 года, причем в большей степени этот рост вызван выездом русскоязычных именно из Ташкента и Ферганы. Основные направления миграций: русские и украинцы — в различные области РСФСР, а также Донбасс и целинные районы Казахстана, турки — в Азербайджан, Поволжье, на Северный Кавказ (к настоящему времени выехали или были эвакуированы практически все турки, единицы остаются для продажи домов и уцелевшего имущества), крымские татары — в Крым, евреи (в том числе — бухарские) — в Израиль, немцы — в ФРГ, изредка в Поволжье.

В частности в связи с выездом "некоренного" населения буквально на глазах меняется облик некоторых узбекистанских городов, например, Ферганы. Еще несколько лет тому назад этот город, один из культурных и интеллектуальных центров республики, был в основном русскоязычным. (Основная часть городского узбекского населения ферганской городской агломерации была сосредоточена в г.Маргилане). Сейчас, по словам самих жителей города, "Фергану не узнать". Увеличился приток в город на постоянное жительство узбеков — выходцев

из кишлаков, возрос объем маятниковых, сезонных и временных миграций трудоспособного сельского населения в Фергану, как и в другие города и промышленные поселки Ферганской долины. Идет замещение русскоязычных работников, особенно в таких престижных для местного населения сферах деятельности, как образование, культура, медицина.

Ухудшению межнациональных отношений способствуют и максимально невыгодные условия, в которые поставлены желающие навсегда уехать из города. Не исключено, что это связано с тем, что кое-кто имеет целью, по возможности, более "простыми" способами завладеть недвижимым имуществом эмигрантов и какой-то частью их средств. Так, с 1989 года в Фергане властями крайне затруднен обмен жилья; устанавливаются всевозможные препятствия со стороны исполкомов при совершении сделок по продаже домов "некоренными", затруднена выписка из города. Как правило сейчас эти обстоятельства останавливают лишь небольшую часть собравшихся в путь, работники же исполкомов, по-видимому, получают немалую мзду за соответствующие разрешения. Кроме того, стремительно падают цены на дома в городе. На этом фоне люди очень остро воспринимают распространенные предсказания, что через пару лет вопрос о продаже имущества эмигрантами вообще не будет стоять, речь будет идти о спасении жизни. "Все равно всё нашим будет", - якобы распространенная мотивировка нежелания узбеков покупать освобождающееся жилье по приличным ценам.

Представляется, что процесс "коренизации" узбекистанских городов вряд ли обратим, и хотя экономика республики испытывает трудности из-за оттока квалифицированных кадров рабочих и служащих различных специальностей, все же в самом узбекском обществе этот процесс в целом воспринимается как положительное явление.

В то же время идеи "национального возрождения", связанные в представлении многих узбеков с возвратом к традиционному образу жизни, до сих пор сохраняющемуся в кишлаках, и с противостоянием всему европейскому, в сочетании со значительным пополнением в последние годы городов недавними киш-

лачными жителями вызывают немалую озабоченность некоторой части европеизированной узбекской интеллигенции, в особенности женщин, которые встревожены возможностью возврата в узбекское городское общество традиционных норм отношения к женщине.

Очевидно, что к нагнетанию напряженности причастны обе "стороны"; точнее, важным фактором нагнетания стали слухи, распространяемые представителями обеих "сторон" соответственно о враждебных намерениях "противника". Каждая "сторона" постепенно формировала свой "образ врага". Для русскоязычных горожан — это фанатичные агрессивные узбеки, стремящиеся к постепенному вытеснению, а впоследствии к погромам и изгнанию русских; для части узбеков — также агрессивно и шовинистически настроенные русские, враждебные всему узбекскому, не желающие поступаться своими привилегиями, готовые выступить против узбеков с оружием в руках и помогать "Центру" и впредь угнетать узбекский народ.

После ноября 1990 года ситуация во многом изменилась. Руководство Узбекистана продемонстрировало свою готовность проявить заботу о русскоязычном населении, в частности о защите его прав. Этот вопрос занял большую часть повестки дня ноябрьской сессии Верховного Совета Узбекистана (поводом послужил массовый отъезд русскоязычных, наносящий большой ущерб экономике республики). Была изменена формулировка ряда статей Закона о государственном языке, пересмотрены некоторые положения проекта Закона о гражданстве УзССР — т.е. те нормативные акты, которые вызвали наибольшее беспокойство "европейского" населения. Изменение курса, вероятно, связано в числе прочего с тем, что руководству республики удалось добиться определенных успехов во внутренней политике и перестройке взаимоотношений с "Центром", в том числе экономических; отпала необходимость в дальнейшем педалировании "национально-государственных" лозунгов, наоборот возникла потребность во внутренней стабилизации и консолидации населения республики. С другой стороны, вероятно, мероприятия руководства в экономике (повышение закупочных цен на хлопок, расходов на социальное обеспечение, раздача земель-

ных участков) — привели к снижению социальной напряженности и общественно-политической активности населения, что благоприятно сказалось на состоянии межэтнических отношений. По-видимому, события начала декабря в Намангане (убийство толпой нескольких русских солдат) серьезно не повлияли на ситуацию и на наметившуюся положительную тенденцию. Осенью 1990 года также резко сократился выезд "европейского" населения за пределы Узбекистана. Это может быть связано как с изменением политической обстановки в республике, так и с резким ухудшением экономической ситуации в РСФСР и других республиках Европейской части СССР на фоне относительной стабильности и достатка на потребительском рынке Узбекистана.

Интересно отметить, что в это же время (осень 1990 г.), по некоторым сведениям, фиксируется и ослабление интереса "национальной" интеллигенции и "неформалов" к идеям полной государственной независимости Узбекистана.

Авторами настоящей записки практически не изучались особенности межэтнических отношений в сельской местности. В настоящее время отдельные конфликты, связанные с раздачей земельных участков в личное пользование, могут приобретать характер межэтнических (точнее, подобную окраску). В перспективе же наиболее важные конфликты на территории Узбекистана (и национальные, и социальные) могут быть связаны с аграрным перенаселением и с земельным голодом, который приобретает абсолютный характер.

Узбекско-киргизские отношения в пограничных районах Ферганской и Ошской областях.

Обследованный Ферганский район Ферганской обл. граничит с западной частью Ошской области, вытянутой в широтном направлении. Летом 1990 г. межэтнический конфликт вспыхнул в восточной части этой области; ни в Ферганской, ни в пограничных с ней районах Ошской, судя по имеющимся сведениям, активных действий в связи с этими столкновениями в июне-июле с.г. не наблюдалось. Тем не менее, внимание узбекского населения в летние месяцы было сосредоточено на событиях в Киргизии, что отчасти отразилось на отношениях между двумя народами.

Расселение этих народов в пограничных районах (линия границы была проведена весьма условно) и ориентация в хозяйственной деятельности позволяют говорить о сохраняющихся в какой-то мере признаках, существовавшего ранее различия в тех природных ландшафтах, которые традиционно осваивали узбеки и киргизы, и в их хозяйственной специализации. И сейчас первые преимущественно занимают равнинные территории, вторые — горы и предгорья. В основном однонациональные узбекские кишлаки расположены не только по всему Ферганскому району, но и по ту сторону границы, причем последние традиционно тяготеют к Узбекистану.

Так, в непосредственной близости от к. Миндон, уже за республиканской границей расположен узбекский кишлак Холмиён, имеющий с Ферганским районом тесные связи. Не редкость браки между жителями соседних кишлаков, многие жители Холмиёна имеют родственников в Миндоне и других кишлаках Ферганской области. В различных учреждениях Миндона можно встретить "холмиёнцев", которые ежедневно приезжают на работу в этот кишлак в качестве учителей, врачей, продавцов и т.п. Молодежь Холмиёна (исключительно узбекской национальности) учится в различных учебных заведениях Ферганского района.

Существующие у узбеков традиционные общинно-родственные структуры, которые по-прежнему играют значительную роль в социальной жизни поселений, затрудняют сближение соседствующих среднеазиатских народов. По рассказам жителей Холмиёна, в центральной части этого кишлака, разделенного на несколько квартално-общинных организаций (махалля) живут всего четыре киргизские семьи, причем они не входят ни в одну из узбекских махалля, что делает их достаточно обособленными от общественной жизни соседей-узбеков. Определенная замкнутость для иноэтничного населения узбекских (реже узбекско-таджикских) общинных институтов характерна не только для сельских районов, но и для традиционного узбекского города. Это не исключает, естественно, взаимоотношений с людьми различных национальностей в быту, по работе, в связи с хозяйственной деятельностью. Между узбеками и киргизами и сейчас существуют хозяйственные связи,

основанные на разделении труда, на различии тех социально-экологических ниш, которые традиционно занимали эти народы. Так, колхоз им.Димитрова (к.Миндон) каждое лето нанимал чабанов (в основном киргизов), которые угоняли колхозный скот выпасаться на горных пастбищах Киргизии, а к осени возвращали его в колхоз. С киргизами договаривались и пчеловоды из Миндона, перевозили свои пасеки на лето в киргизские горы, где мед получается более высокого качества, а чабаны-киргизы присматривали за ульями.

После событий в Ошской области среди узбекского населения стали распространяться различные слухи, связанные с киргизами (хотя, по имеющимся сведениям, киргизы, проживающие в Фергане, Вуадыле, административном центре Ферганского района, и некоторых кишлаках на границе с Киргизией, не испытывали в это время серьезных трудностей и неприятностей в связи с конфликтом). Колхозники-узбеки из Миндона проявляли обеспокоенность о колхозных стадах: высказывались опасения, что скот может и не вернуться обратно в колхоз, тем более, что в этом году в составе нанятых на работу чабанов-исключительно киргизы. Недоверчивость проявили и пчеловоды: многие из них побоялись вывозить в горы свои ульи. Узбеки активно муссировали типовые слухи о "жесткостях" и "вероломстве" киргизов, передавали, что, они якобы собираются отравить воду в речках, бегущих с гор, что они делают "разведывательные вылазки" в узбекистанские кишлаки. Обсуждались слухи о вооружении узбеков в приграничных областях, о необходимости поддержать "соплеменников" в Андижанской области и в Киргизии в случае проведения ими акций возмездия после ухода войск.

Многие слухи служили почти единственным источником информации, в то время как республиканские и областные средства массовой информации (г.о. узбекоязычные) давали лишь минимум возможной информации, относящейся к конфликту, не выходя за рамки официальных сообщений.

Представляется, что одним из поводов для продолжения узбекско-киргизского конфликта в обследованных районах могут в дальнейшем стать территориальные претензии со стороны Кир-

гизии на занятые узбеками участки земли (вероятность таких претензий нельзя полностью исключать). Дело в том, что граница между Узбекистаном и Киргизией не демаркирована. Согласно заключенному некогда межреспубликанскому соглашению (установить время, уровень, а также наименование договоренности не удалось), на линии границы установлена километровая "нейтральная" полоса (по 500 м с каждой стороны), в пределах которой жители, организации и предприятия могут использовать пустующие земли на территории соседней республики. В силу этого земли на территории Киргизии используются гражданами Узбекистана, в частности, для застройки. К примеру, часть угодий колхоза им.Димитрова (к.Миндон), прилегающего к границе, лежит на территории Киргизии. В Ферганской области ходили также непроверенные слухи о возможном предъявлении Киргизией претензий на анклав Узбекской ССР на территории Киргизии (напр., Хамзаобод).

Общественно-политические организации

Реакция общественности на проходящие перемены проявляется в частности в создании ряда независимых организаций. Наиболее активная часть, гл.обр. городское население, пытается в силу своих представлений и в пределах своего кругозора заняться общественной деятельностью вне традиционных государственных институтов. В результате в настоящее время на территории Узбекистана действует несколько независимых политических (точнее квази-, псевдо- и околополитических) движений и группировок. Из них наиболее известными являются: Народное Движение "Бирлик", Демократическая партия "Эрк", Демократическое Движение Узбекистана, Организация Крымско-татарского Национального Движения, Национальное Движение Крымских татар, Интерсоюз. Кроме того в течение 1990 года создано несколько политических группировок, в том числе объявивших себя партиями, которые до настоящего времени не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на общую ситуацию в республике и на настрой общественного мнения.

Особенность практически всех движений (кроме крымско-татарского) — относительная малочисленность по сравнению с аналогичными движениями Европейской части СССР и Кавказа, слабая

поддержка среди населения (гл.обр. интеллигенции, городской рабочей и учащейся молодежи), слабость организационных структур, неразработанность идейных основ.

Приведенные ниже сведения получены в ходе личных бесед авторов с несколькими лидерами и активистами "Бирлика", ДДУ, руководителями Ташкентской, Самаркандской, Наманганской и Ферганской групп ОКНД, а также взяты из некоторых печатных материалов "Бирлика" ("Общая программа Народного Движения Узбекистана "Бирлик"", Ташкент, 1990; "Спецвыпуск пресс-центра Народного Движения Узбекистана "Бирлик"", Ташкент, август, 1990 г.).

"Бирлик" - организация, по своей структуре и идеологии близкая Народным Фронтам в других республиках. Инициативная группа "Бирлика" была создана 11 ноября 1988 года в Ташкенте, Учредительный Курултай организации был проведен 28 мая 1989 года там же. Общая программа Движения не утверждена до настоящего времени и подвергается постоянной корректировке. В числе основных программных лозунгов организации: обеспечение суверенитета республики, в том числе в экономике, борьба за демократические преобразования, борьба с коррупцией и за социальную справедливость, ликвидация хлопковой монокультуры, раздача земли в личное владение крестьянам, придание государственного статуса узбекскому языку, решение экологических проблем. Деятельность организации в основном исчерпывается апелляциями разного рода к властям, митингами, петициями, обращениями. Организации не удалось до настоящего времени наладить регулярный выпуск своего печатного органа. В Ташкенте в 1989-90 гг. регулярно собирался дискуссионный клуб "Бирлика" "Мунозара". При "Бирлике" дважды создавался Союз Свободной Молодежи Узбекистана, в январе 1990 года было объявлено о создании женской организации "Тумарис". В состав "Бирлика" входит т.н. Демократическая партия Узбекистана, фактически не функционирующая (создана 17 июня 1990 года, была задумана как политическое ядро движения).

"Бирлик" возглавляют представители технической ^и отчасти гуманитарной интеллигенции. Активисты "Бирлика" - прежде всего студенты, молодые рабочие и служащие узбекской националь-

ности. "Бирлик" также пользуется поддержкой в основном в среде городской учащейся и рабочей молодежи, а также интеллигенции. Наиболее сильно влияние "Бирлика" в Ташкенте, там, где высока доля новых горожан, в том числе маргиналов, в наибольшей степени оторванных от традиционных махаллинских и общинно-родственных структур.

По некоторым сведениям, "Бирлик" в Фергане, в отличие от Ташкента, имеет поддержку в традиционных городских махалля, а также среди части сельского населения области. Это, вероятно, связано с тем, что в Фергане не возникает социокультурного и психологического разрыва между молодыми узбеками-горожанами и их семейно-родственными группами, как правило проживающими в пределах повседневной доступности (практически вся Ферганская область представляет собой пригородную зону Ферганы).

Формально, в соответствии с уставными нормами организации, её членом может быть человек любой национальности; "Бирлик" выступает за национальное равноправие, защиту прав всех национальностей, живущих на территории Узбекистана, против разжигания национальной вражды и шовинизма. И хотя, по-видимому, европеизированные интеллигенты – основатели и лидеры "Бирлика" пытались в меру своего понимания, придать организации "общенародный и демократический" характер, "Бирлик" по всем показателям воспринимается и окружающими, и своими членами как национальное движение узбеков. Узбекский этноцентризм ощутим уже в общей программе организации, он, вероятно, последовательно проводится активистами и рядовыми сторонниками в их повседневной пропагандистской деятельности. "Бирлик" состоит почти исключительно из узбеков, доля лиц "европейских" национальностей в движении незначительна (хотя они представлены в руководящих органах). В 1989 – начале 1990 года не без помощи республиканских средств массовой информации население воспринимало "Бирлик" как основную, наиболее агрессивную "национал-экстремистскую" организацию, непосредственно угрожающую безопасности неузбеков.

На основании многих свидетельств можно полагать, что в различные периоды существования "Бирлика" его лозунги претер-

певали определенную трансформацию. Первоначально большее внимание уделялось вопросам экологии, защиты узбекского языка, борьбы со злоупотреблениями партаппарата; позднее на первый план вышли идеи суверенитета Узбекистана, в том числе вне рамок СССР; вероятно, пик популярности идей независимости приходится на первую половину 1990 года. Достаточно активно разрабатывается и распространяется идея обеспечения единства туркских и среднеазиатских народов (прежде всего единства культурного и экономического). "Бирлик" прилагает усилия по установлению тесных контактов между "неформальными" движениями Средней Азии и Казахстана. Этот процесс официально был начат в июне 1990 года на алма-атинской встрече нескольких среднеазиатских и казахстанских движений; он, впрочем, проходит достаточно вяло и до настоящего времени не привел к каким-либо реальным результатам. Начиная с середины 1990 года "Бирлик", по-видимому, начал уделять внимание лозунгам экономической реформы, в сентябре в Ташкенте прошел митинг в поддержку программы "500 дней".

Активность "Бирлика" во времени неодинакова. Периоды её максимума – март-апрель, сентябрь-октябрь 1989 года (серии массовых митингов в Ташкенте, собиравших, по сведениям самой организации, более 20 тыс. человек), а также время предвыборной кампании (январь-февраль 1990 года). С лета 1990 года до настоящего времени прослеживается глубокий спад активности движения.

Популярность "Бирлика" во многом зависела от политики, проводимой властями республики. Длительное время наблюдалась достаточно острая (с точки зрения стороннего наблюдателя) конфронтация "Бирлика" с властями. Её пик приходится на апрель-май 1989 года (антибирликовская кампания в прессе), а также октябрь 1989 г. (особо известны разгоны пикетов и массовые аресты активистов организации в Ташкенте 19-21 октября). Последний всплеск произошел в начале марта 1990 года после событий в Паркенте (Ташкентская обл.), сопровождавшихся столкновениями между войсками и населением (см. "Правда Востока", 10 марта 1990 г.). Нагнетание обстановки вокруг

"Бирлика" в то время, когда движение выдвигало популярные лозунги, способствовало росту его влияния, особенно среди городской молодежи. Быстрая же реализация новым руководством Узбекистана во главе с И.Каримовым лозунгов, выдвинутых "Бирликом" - государственности узбекского языка, защиты потребительского рынка, раздачи земли дехканам, сокращения посевов хлопчатника, введения многопартийности, защиты суверенитета республики, туркестанской интеграции - лишило организацию её "экологической ниши" и возможности вести эффективную пропагандистскую работу, что не в последнюю очередь привело к падению популярности. Не способствовал сохранению авторитета организации и фактический отказ от проведения массовых акций. Не случайно, что именно в это время (в октябре 1990 года) 2 члена руководства "Бирлика" были введены в состав Президентского Совета Узбекистана.

Можно утверждать, что "Бирлику" в силу его "гапоновского" характера с самого начала было суждено играть роль "карманной" оппозиции при узбекском руководстве, находящейся с ним в мнимой конфронтации. Движение оказало, вероятно, существенную услугу "команде" И.Каримова, выдвигая и закрепляя в общественном сознании в качестве "революционных" весьма умеренные лозунги, которые власти сумели быстро претворить в жизнь, тем самым подняв свой авторитет. "Бирлик", крикливо и неумело оппонировав руководству Узбекистана, во многих ситуациях очень выгодно его оттеняет, позволяя ему выглядеть дееспособным, компетентным, заботящимся о народных интересах, с другой стороны, - демократичным.

Демократическая партия "Эрк" ("Воля"). Группа во главе с Мухаммадом Салихом (популярным молодым поэтом), более умеренная, чем основное ядро лидеров "Бирлика", заявила о себе в сентябре 1989 года, расходясь в то время с большинством в представлениях о тактике движения (выступали против митинговых акций). Они выделились из "Бирлика" в отдельную организацию в феврале 1990 года, позже назвали себя "партией". "Эрк" выступает с более умеренных, чем "Бирлик" позиций, стремится к тесному сотрудничеству с властями республики. "Эрк" рядом

своих черт напоминает "подставную" организацию, созданную не без помощи властей в качестве альтернативы "Бирлику" для умеренно-оппозиционной узбекской интеллигенции.

В составе партии "Эрк" — исключительно узбеки. Организация "Эрк" имеется в Фергане, вероятно, и в других городах Узбекистана. Руководящие органы — в Ташкенте. Основным успехом "эрковцев" до настоящего времени остается, по-видимому, вытеснение штаб-квартиры "Бирлика" из здания Союза писателей в другое помещение. Определенный ответ на вопрос, чем занимается в настоящее время партия "Эрк", представляется затруднительным.

"Интерсоюз". По идейным основам и структуре аналогичен Интерфронтам в других республиках. Действует только в Ташкенте, объединяет в основном русскоязычное население. Основной оплот "Интерсоюза" — авиазавод им. Чкалова и 84-й микрорайон Ташкента, населенный преимущественно русскоязычными рабочими. Цель организации — защита прав и безопасности "некоренного" населения. Основной эффект от создания "Интерсоюза" — распространение среди жителей Ташкента слухов об активном обзаведении членами "Интерсоюза" оружием и о подготовке ими вооруженного отпора ожидаемым погромам, а также "акций возмездия". Несмотря на это, "Интерсоюз" провел 25 февраля 1990 года совместный с "Бирликом" митинг.

Демократическое Движение Узбекистана /ДДУ/. Возникло в 1989 году на основе движения "Гражданская Инициатива за Перестройку" /ГИП/. ДДУ — организация клубного типа, объединяет несколько десятков представителей русскоязычных жителей Ташкента. Идейные позиции ДДУ достаточно условно можно охарактеризовать как близкие к социал-демократическим. Деятельность сводится к организации встреч, дискуссий, иных мероприятий. Осенью 1990 года ДДУ практически прекратило свою деятельность.

Организация Крымско-татарского Национального Движения /ОКНД/ оформилась на Учредительном съезде, проведенном в Янгйюле /Ташкентская обл./ 29 апреля — 2 мая 1989 года. Практически единственная организация в СССР, деятельность

которой основана на не-гапоновском понимании борьбы за права человека. Базой для создания ОКНД послужила сеть инициативных групп крымских татар, деятельность которых координировалась Всесоюзными Собраниями 1987-1988 гг. ОКНД имеет индивидуальное членство и развитую региональную структуру. Программные цели организации - возвращение крымских татар в Крым, возмещение причиненного в результате депортации ущерба, воссоздание ^{якобы} утраченной "крымско-татарской национальной государственности (в форме автономной республики)".

Движение крымских татар активно действовало на территории Узбекистана в 1987 - начале 1990 года. Формы работы - сбор подписей под обращениями, проведение митингов и демонстраций. Наиболее известные акции - митинг 26 июня 1988 года в Ташкенте, разогнанный милицией; митинги по всей территории Узбекистана 19 мая 1989 года (45-я годовщина депортации). Активисты ОКНД имеют ^{св} практически во всех местах компактного проживания крымских татар.

В настоящее время, в связи с выездом подавляющего большинства лидеров и активистов ОКНД в Крым, центр активности движения переместился туда же. Деятельность узбекистанских организаций потеряла самостоятельное значение и практически прекратилась.

Национальное Движение Крымских Татар. Организация оформилась в 1990 году. Действует в основном в Крыму. Лидер организации Ю. Османов проживает в Фергане. НДКТ стоит на гораздо более умеренных, чем ОКНД, позициях, стремится к всестороннему сотрудничеству с властями. Пользуется несоизмеримо меньшей поддержкой соотечественников, чем ОКНД.

В 1989-90 гг. активизировал и практически легализовал свою деятельность ряд религиозных группировок. Узбекское население Ферганской области имеет определенное представление о движении, выступающем за "чистоту ислама", за "возврат к истокам". Возможно, по последней причине участников этого движения называют "ваххабитами" (хотя сомнительно, чтобы между этой группировкой и ваххабизмом - официальной конфессией Саудовской Аравии существовала серьезная связь помимо

поверхностной аналогии). В движении "ваххабитов" участвует в основном молодежь. "Ваххабиты" занимаются строительством новых мечетей, подготовкой "неофициального" духовенства, сбором пожертвований на благотворительные цели. По некоторым сведениям (оставшимся непроверенными), в Фергане "ваххабиты" действуют под видом крыла "Бирлика".

То обстоятельство, что практически все общественные движения занимаются в тех или иных формах подачей апелляций "наверх", делает их вполне управляемыми и манипулируемыми со стороны официального руководства. Успех властей Узбекистана в проведении своего курса, предлагаемые некоторые популярные реформы пока исключает появление почвы для действительно массового оппозиционного движения. Лозунги "неформалов" в сущности копируют программные документы национальных движений других регионов или представляют собой более радикальное изложение официальных перестроечных установок; в частности по этой причине они находят отклик только у сравнительно небольшой части городского населения. Вероятно, по мере дальнейшего оживления общественных процессов в Узбекистане, возникновения новых кризисных явлений общественное сознание будет вырабатывать новые формы активности и более адекватной идеологии.

Примечания

1. Максакова Л., Миграция населения Узбекистана, Ташкент, 1986, с.59-60.
2. Рахматиллаев Х., Изменения в этнической структуре населения городов Узбекской части Ферганской долины за годы Советской власти. Советская этнография. № 6, 1988, с.133.
3. Мулладжанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР, Ташкент, 1983, с.213-215.